Карцев Р.

27/X-1989

27 ОКТ. 1989

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА
г. Алма-Ата

Ленинская Смена

• Встреча для вас • Встреча для вас • Встреча для вас • Встреча для вас • Встреча для вас • Встреча для вас •

Роман Карцев:

В ЖИЗНИ Я НАМНОГО СЕРЬЕЗНЕЕ

ЕЩЕ не зажглись огни рампы, не появился пока в зале и нетерпеливый зритель. До начала спектакля оставалось около часа. Пробирался через толпу ожидающих на площади перед Дворцом им. Ленина и... не удивлялся постоянным вопросам: «Нет ли лишнего?» — артисты, ради которых в течение шести прохладных осенних вечеров собирались все эти люди, такое внимание заслужили.

Да, да, спустя 15 лет к нам в Алма-Ату пожаловал знаменитый одесский дуэт — Роман Карцев и Виктор Ильченко. Написал «одесский» и задумался: работают-то артисты теперь в Москве. Но тот, кто родился в Одессе, остается одесситом всю свою жизнь, независимо от прописки. И непременно сохраняет типично одесскую черту — чувство юмора.

Так уж получилось, что беседовать пришлось лишь с Карцевым — к его спарринг-партнеру пришла двоюродная сестра. Но, несмотря на это, Карцев отвечал «за двоих», с лихвой компенсируя вынужденное одиночество. Впрочем, рассудить, действительно ли это так, вы сможете, прочитав это интервью.

— Роман Андреевич, как вообще получилось, что образовался эстрадный тандем Карцев — Ильченко?

— Произошло это довольно неожиданно и очень давно — в 1962 году. Я уже работал в театре Аркадия Райкина, а Виктор выступал вместе с Жванецким в студенческом театре института инженеров морского флота. Друг с другом мы были знакомы. Жванецкого я знал еще и как актера. В театре студенческой молодежи «Парнас» он играл свои вещи, причем очень темпераментно. Потом, правда, бросил актерское поприще. Так вот, вслед за мной в театре Райкина попробовал себя Виктор, а в 1964 году туда как автора пригласили Жванецкого. Так и работали одесской компанией.

— Раз уж вы заговорили о Райкине, интересно услышать о нем от вас — человека, долгое время с ним работавшим.

— Райкин был великий артист. Мы 8 лет с ним работали, и все 8 лет, каждый вечер, я стоял за кулисами и смотрел спектакли. Все они были абсолютно разные, разные до последнего нюанса, хотя играл он все время один. Это ошибка — считать, что спектакль готов, когда он сыгран впервые. Понимаешь обратное, когда начинаешь его переделывать, изменять, добавлять что-то, выбрасывать лишнее. Это и отличало профессионализм Райкина, этому мы старались у него учиться. Отношению к работе, к публике, к себе, к искусству. Это очень большое дело, и в этом деле он был величайшим человеком. Работал на износ. С утра до вечера—репетиции, потом спектакль. И так каждый день. Актеров, как он, у нас в Союзе раз-два, и обчелся. Увы!

Мы знали его и на работе, и в быту — были у него дома, очень много общались. Спорили, ругались, иногда даже кричали: «Вы не понимаете юмора!..» — Карцев улыбается. — Он меня за это выгнал из театра на два года. А после я вернулся. И все это естественный процесс. Пришло время, и мы трое ушли из театра. Почему? Хотелось работать самостоятельно и начать что-то свое.

— Применимо ли сейчас понятие «кризис жанра» к сатире и юмору? Нет ли конкуренции со стороны публицистов, журналистов, парламентариев?

— Что скрывать — есть! Вспоминаю время, когда публика «взрывалась» на наших миниатюрах. Она реагирует на смешное и сейчас. Но находит его и в другом. Следовательно, конкуренция есть!

— Вы упомянули времена, когда публика «взрывалась»...

— Да. Не знаю, вспомните ли вы одну из первых и довольно популярную миниатюру Жванецкого «Экзамен». Он написал ее в 1955 году. Уже три поколения играли «Экзамен». Будут играть сейчас — все равно люди будут умирать от смеха. Такой юмор долговечный. Надо сказать еще, что Жванецкого того не сравнить со Жванецким сегодняшним. Сейчас в его юморе больше глубины, остроты.

— ...Гласности.

— Да. И гласность эта присутствовала в его произведениях с самого начала. Мы работаем вместе 27 лет. И никогда не говорили при Хрущеве одно, а при Брежневе — другое. Он из тех авторов, кто чувствует жизнь, ее изменения, сразу подхватывает ситуацию. У него есть чувство будущего, и многое из того, что мы играем сейчас, было написано давно. Жванецкий писал все, что хотел, никогда не боялся. И мы всегда играли его вещи. Нам запрещали сейчас — играли спустя полгода, бьют по голове здесь — едем в другой город. Часто влетало — Жванецкому, директору филармонии или театра, где мы выступали. С другой стороны, тогда были несколько другие нравы и мозги в ту сторону не «варили» — что пишет он сейчас. Тогда это было все очень завуалировано и очень смешно. Сейчас же все недостатки выговариваются впрямую.

«У нас чего только может не быть...
У нас всего может не быть!
У нас чего только не захочешь, того
может и не быть...»
(Из телевизионного концерта М. Жванецкого).

— Жванецкий пишет просто миниатюры или эти миниатюры для вас с Ильченко?

— Он больше писал для Райкина — когда работал с ним. А мы читаем вещи, многие из которых родились на ходу, на темы, о которых он и не предполагал, может быть, написать. Но повторю — он пишет просто вещи, а не специально для нас.

— Роман Андреевич, а такой вопрос: многие из писателей изображают в произведениях своих друзей. Есть ли у Жванецкого миниатюры, в которых «фигурируют» Карцев и Ильченко?

— Бывает. Но это настолько переделано, настолько запрятано, что трудно порой понять.

— Кто из других писателей-сатириков импонирует вам?

—Михаил Задорнов. Он сильно вырос за эти годы и пишет довольно неплохо. Но, к сожалению, у него слишком много «лобовых» вещей, построенных на репризах. Его недостаток — отсутствие драматургического материала. Задорнов больше работает в жанре открытой сатиры. А у Жванецкого есть вещи, в которых нет ни одной репризы, а зритель запоминает ее на всю жизнь. Ну какие там шутки или хохмы, например, в «Раках»?

— Кстати, их уже нет в вашей программе. В чем дело?

— «Раки» — это миниатюра, знакомая всем до единого слова. Играть ее сейчас — это обрекать зрительный зал на гробовое молчание. Хоть и смешно, а все вы уже знаете, что там дальше.

— А вот такой древний вопрос: кому на Руси жить хорошо?

— И в самом деле, вопрос хороший и очень древний. Вы знаете, долгое время запрещалось читать эту некрасовскую вещь, потому что там речь идет о голоде, нищете... Я думаю, что всем нам пока плохо. Есть люди, которые живут шикарно. Они могут поехать пообедать в Москве, поужинать в Риге. Я знаю таких людей, которые снимают каюту-люкс на пароход в Ялте за сумасшедшие деньги: неделя там стоит 1200 рублей! Вроде бы все хорошо. Но чувствуется, что и у них тоже не ладится в жизни. Значит, потеряно что-то другое. Я считаю, что счастье человека в его свободе и независимости. А смысл жизни — когда ты всем нужен: приходишь ли в магазин или ресторан, приходишь ли ты в офис, предлагаешь ли какую-то идею — все тебя выслушают, значит, нужен. Понравилось им или нет — это другое дело. Сейчас же у нас ты не нужен ни в гостинице, ни уборщице, ни продавцу магазина.

«Ну, не хотел я огорчать своим появлением товарища, ведущего такси, когда, сев к нему в салон, сказал, куда мне. Он попросил выйти и сказать. Я вышел и сказал. Он попросил забрать чемодан и сказать. Я забрал чемодан и сказал. Это не был другой город, это было здесь. Он огорчился и не хотел. Но я ведь там живу. Ну, невыгодный район, но я там живу. Я показал паспорт с пропиской. И он мне показал документы. И по документам мы должны были ехать в разные стороны...»

(Из телевизионного концерта М. Жванецкого).

— Я не могу жаловаться на нашу судьбу. Вот уже 27 лет мы играем, уже и постарели, и поседели, а публика все равно ходит. Когда мы добьемся, что всем нужен будет не только какой-то известный человек, но и простой смертный, я думаю, тогда в стране будет счастье, будет жить хорошо.

— Нашли ли вы свое место в перестройке?

— Нет. Мы его и не искали, просто оттого, что и не перестраивались. Я уже говорил, что все 27 лет мы работали честно и открыто.

— На концерте вы посетовали на неважные отношения с телевидением. Чем это объяснить — чрезмерной строгостью работников ТВ или остротой юмора Жванецкого?

— Ни тем, ни другим. Это все зависит от одного человека — редактора данной передачи, который сам себе хозяин, сам себя рецензирует. И вместе с тем судьба ее решается высшим начальством. Мы стали несколько сторониться передачи «Вокруг смеха», и мне кажется, она сейчас даже менее остра, чем, например, КВН или эстрадные программы, которые любят в Москве. Мы иногда выступаем в передачах «Добрый вечер, Москва», «До и после полуночи» — они более солидные и нам больше нравятся.

— С телевидением все ясно. А как пресса?

— Тут двух мнений быть не может. Только благодаря прессе, благодаря телевидению, радио люди о многом знают. Мы же не можем передавать друг другу информацию по телефону. Степень нашей информированности, интереса к событиям — в этом, я считаю, огромная заслуга настоящей прессы: «Московских новостей», «Собеседника», «Нового мира», «Знамени»...

— Есть ли у вас любимые миниатюры?

—В каждой программе есть 2—3 вещи, которые мы исполняем с особым удовольствием. Очень известная миниатюра «Склад», те же «Раки», программа «Птичий полет», — сцена в больнице, рассуждение о человеке. В «Политическом кабаре» — «Перекличка». Очень такая сегодняшная вещь. И родилась она, кстати, из импровизации — сначала была маленькая миниатюра, а потом подумали: а что, если на всю страну?

— Роман Андреевич, раскройте секрет вашей внешности. Вот вроде бы о серьезном говорим, а на лице у вас «раздражитель» чувства юмора...

— Честно говоря, я сам не знаю. Вот человек увидит и улыбается. Неужели во мне что-то смешное есть? И сын мой, Пашка, тоже туда. Я удивляюсь: молчу ведь, не острю, почему смешной? Вообще-то я дома очень мало говорю — на работе за день так наговоришься! Да и потом это только кажется, что мы смешные. В жизни все гораздо серьезнее. И Жванецкий в том числе. Человек довольно мрачный.

— И, наконец, последний вопрос. Ваши заветные — если не секрет, конечно, три желания.

— Первое — это я уже говорил —быть свободнее и лучше жить — оно еще для меня самое главное. Второе — мы сейчас готовим программу на английском языке— хотим показать в англоязычных странах наш русский юмор, потому что там знают наш балет, ансамбли, скрипачей, а юмор не знают. К сожалению, мы их юмор тоже не знаем. И, наконец, третье — чтобы все было хорошо в семье — в декабре у меня выходит замуж дочка, —чтоб хороший муж у нее был. Подрастает у меня и сын.

— Ну что ж. Исполнения вам всех желаний и большое спасибо за беседу.

Артиста расспрашивал Мирослав ГАЦЕНКО.
Фото автора.

Читателям «Ленинской смены» пожелание — быть ею!
Р. Карцев